

Время Оно

Главный дирижер Брюссельской оперы много говорит о Фрейде

Молодой японский дирижер Казуши Оно недавно занял место главного дирижера Брюссельского оперного театра Ла Монне. С его оркестром Казуши Оно впервые познакомился в 1999 году. Восхищение было взаимным: дирижер поразился музыкантам, которые исполнили несколько совершенно разных программ, например славянскую музыку и симфонии Малера, а музыканты — точности указаний нового дирижера. В нынешнем сезоне в Ла Монне японский маэстро представит публике четыре оперы. Это "Электра" Рихарда Штрауса, "Баллата" Луки Франческони, "Двое Фоскари" Верди и "Хованщина" Мусоргского.

К. Оно

— Судя по тому, что вы начали свою работу в Ла Монне, дирижуя в прошлом году оперой "Твои предательские глаза" Сальваторе Шаррино, а в этом сезоне — оперой "Баллата" Луки Франческони, современная музыка вас особенно привлекает?

— Да, тем более что эти две оперы очень разные, хотя и написаны почти одновременно. Сальваторе Шаррино продолжает традиции итальянского Ренессанса, в то же время применяя к ней стилистику авангарда. А музыка Франческони с использованием цитат из многих композиторов, включая Курта Вайля и "Битлз", остается при этом тональной, мелодичной. Мой хор обожает "Баллату".

— Получается, что оперный театр как бы возвращается к мелодии?

— Современная музыка очень разнообразна. До конца 1980-х годов композиторы соревновались в том, кто создаст более авангардистское произведение. Это время прошло. После падения Берлинской стены на сцену вышли новые композиторы, появились новые стили. Некоторые пишут музыку, сочетая авангард и джаз. Другие сочиняют с помощью компьютера, третьи — продолжают фольклорные традиции. Наша задача — выбрать самое качественное.

Но современность современностью, а в этом сезоне я буду дирижировать оперой Верди "Двое Фоскари" — она для меня является сублимацией бельканто, и позже — оперой Мусоргского "Хованщина".

— По сравнению с "Борисом Годуновым" эта опера не так хорошо известна на Западе. В какой версии вы ее показываете?

— В версии Шостаковича. Для меня Мусоргский — один из самых значимых композиторов во всей истории оперы. Когда-то я работал в Загребе, где научился понимать звук и мелодику славянских языков. Хотя я не говорю на этих языках, но могу читать и произносить текст.

— А почему вы поехали учиться в Европу?

— В то время в Японии обучали искусству дирижирования механически. Учили жесту, а понятия оперное дирижирование вообще не существовало. Меня интересовала опера, но я мог приблизиться к ней, только став концертмейстером и работая с солистами. Что я и сделал. Потом, наконец, нашел театр, где хотел продолжить учебу.

Это была Мюнхенская опера. Тогда там работали Вольфганг Заваллиш и Джузеппе Патане. Два гения. Заваллиш дирижировал немецкими операми, а Патане — итальянскими. Он знал наизусть 200 опер, музыку и либретто и никогда не пользовался партитурой.

— А как вы находите оркестр Ла Монне?

— Этот оркестр очень подвижный. Музыканты быстро адаптируются к стилю, к иной гармонии. Работаю с ними с удовольствием. Когда мы исполняли русскую музыку, я им объяснял, как чувствовал ее сам. Дирижеру важно, чтобы музыканты смогли почувствовать атмосферу и время написания оперы. Я изучал русскую историю, литературу. Пушкин — мой любимый автор. А в музыке отражается литература того времени. Это относится не только к России. В культуре любой страны литература отражается в музыке. Когда мы в прошлом месяце ставили "Электру", мы много говорили о Фрейде.

— Ла Монне считается интеллектуальным театром. Жерар Мортье и Сильван Камбрелинг начали обращать внимание на то, как влияют друг на друга композиторы разных эпох, культур. Например, в Вагнере ищут итальянские корни. Вы собираетесь продолжать эту традицию?

— Я смогу ответить на этот вопрос немного позже. Мы не должны забывать, где работаем. Например, в Берлине все концентрируется вокруг Вагнера, как в Париже вокруг Бизе или в России вокруг Мусоргского. Здесь же нет такого композитора, с которым публика могла бы себя отождествлять. Мне кажется, в Брюсселе нужно представлять все и много нового. Мы еще не решили, какое направление выберем.

— Но что бы вы хотели видеть на сцене Ла Монне?

— Каждый театр должен иметь в репертуаре музыку, создавшую традицию XIX и XX веков. Я считаю, что нам надо ставить оперы Вагнера и композиторов его круга, Верди и его круга, Моцарта и его окружения. И, конечно, композиторов XXI века тоже.

— То есть вы смотрите в будущее, а не в прошлое? Не в барокко, например?

— Барокко — это очень сложно. Невозможно полностью приспособить современные инструменты к исполнению этой музыки, а значит, добиться аутентичного звучания. Приходится комбинировать инструменты, адаптироваться. Нам над этим еще работать и работать.

— Что вас больше привлекает — дирижировать операми или концертами?

— Есть разница между исполнением опер и концертов. Но нет границы. Невозможно дирижировать операми Моцарта и не знать его симфоний или Концерта для рояля. Нельзя дирижировать симфониями Шостаковича и не знать его "Леди Макбет Мценского уезда". Потому я стараюсь работать и с операми, и с симфонической музыкой.

Сейчас у нас идет "Баллата". А когда она закончится, я отправлюсь в Бирмингем, Вену и Париж, где буду дирижировать симфоническими концертами.

Беседу вела
Лариса ДОКТОРОВА

Брюссель

Музыка - 2003 - 16-22 с. 15